

**ОСТЯЦКИЙ ЖИВЕЦ-II И ПРОБЛЕМА
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ
СЕВЕРНОЙ ТАЙГИ**

Материалы аварийных раскопок памятника Остяцкий Живец-II раннего железного века с комплексами белоярского, калинкинского, саровского типов в Сургутском Приобье показывают, что памятник является совокупностью разновременных жилищ без протяженного культурного слоя. Сделан вывод о периодическом использовании участка береговой террасы одним хозяйственным коллективом для рыболовного промысла. В конкретный временной промежуток эксплуатировалась только одна легкая наземная постройка с относящейся к ней бытовой пристройкой и прилегающей хозяйственной зоной за пределами жилища. В методическом плане сделано заключение, что неправомерно остатки подобных построек рассматривать как селища, а материалы

из них считать отражением деятельности населения одной археологической культуры и суммировать их в ходе сопоставления с другими коллекциями.

Ключевые слова: таежное Приобье, ранний железный век, белоярские, калинкинские, саровские комплексы, сезонные жилища рыбаков.

There are published the early iron age materials of site Ostyatskiy Zhivets-II in the Surgut Ob' valley with Bely Yar, Kalinkino, Kulyayka types complexes. This site is totality of asynchronus dwellings without combined cultural layer. Author made conclusion on the periodical this bank terrace using by one economy collective for season fishing. Only one light over-ground shelter was exploited in concrete time diapason together with relative store-house and belong to economic zone behind border of the dwelling. In this article methodical résumé was ascertained that not right the remains of such buildings to examine as settlements. Therefore is incorrect all materials from ones to define as one archaeological culture reflect and sum in comparative procedure with other collections.

Keywords: taiga zone, Ob' valley, early iron age, cultures of Bely Yar, Kalinkino, Kulyayka, season dwellings of fish men.

Всесторонне аргументированный А. Н. Сорокиным и его предшественниками феномен «натурации», т. е. воздействия природных факторов на характер отложения и локализации остатков человеческой деятельности, и на их перемещение в процессе археологизации [Сорокин, 2004а; 2004б], как нам кажется, до сих пор не воспринят широким кругом специалистов. Убедительно продемонстрированная им компрессия следов многократного обитания и разового посещения в один культурный слой касается не только памятников каменного века. Учет этих обстоятельств должен быть обязательным и для объектов других эпох, особенно возникших в результате охотничье-рыболовческого хозяйствования. Сложилась практика объединения заметных в рельефе землянок или наземных жилищ в одно поселение без определения состава и распространения культурного слоя, которая, как уже отмечено А. Н. Сорокиным, задает ошибочное направление трактовки материалов как культурного взаимодействия относительно синхронных коллективов. И даже по мере выяснения многократности заселения изучаемой площадки, зачастую не ставится задача выделения числа этих эпизодов и их соотношения не только во времени, но и в пространстве.

Представляется, что памятник Остяцкий Живец-II, состоящий из разновременных сезонных жилищ, раскопанный в ходе аварийно-спасательных работ при плановом ремонте нефтепровода в окрестностях Сургута¹, дает основания обсуждать один из видов археологических объектов — наземные жилища — в их локальной специфике. Он был открыт в 1982 г. А. П. Зыковым [1983], на охрану поставлен как «селище» и подтвержден нами в тех же границах, но в более разрушенном строительными работами виде. Объект располагается на берегу протоки Остяцкий Живец, на правобережной террасе Оби, в 1,2 км к северо-западу от с. Сайгатино (рис. 1, 1). При первоначальном обследовании памятник состоял из 15 выраженных в рельефе наземных площадок, занимающих площадь 100×100 м. Большинство сохранившихся объектов Остяцкого Живца-II и их межжилищное пространство были изучены нами на заданной заказчиком площади, с закладкой раскопов таким образом, чтобы исследовать памятник максимально полно.

Раскоп 1 в 214 кв. м на южной оконечности памятника Остяцкий Живец-II охватил жилищные площадки 1 и 2 (рис. 2). Его восточная четверть попадает в зону просеки, проложенной под нефтепровод, ею разрушено жилище 3 и уничтожено жилище 4². Раскоп 2 площадью 433 кв. м в северо-западной части Остяцкого Живца-II не соединялся с раскопом 1 потому, что между ними археологические объекты 3 и 12 были скрыты. В его контуры включены постройки 4а, 5, 13, 14. Раскоп 3 был заложен на восточной части памятника площадью 647 кв. м, он располагался между автодорогой и склоном берега, на частично поврежденной строительством и осыпями поверхности, здесь были зафиксированы остатки пяти древних построек: 7, 9-11, 7а, объекты 6, 11 и 12 оказались уничтожены автодорогой.

Стратиграфия памятника следующая: 1) дерново-гумусный слой толщиной 8-15 см состоит из очеса и темно-серого грубого гумуса, в понижениях рельефа достигает мощности 25-40 см; 2) подзолистый горизонт — белесый песок с волнистой, затечной нижней границей, что обусловлено криогенными процессами. Местами в нем на глубине 10-20 см от поверхности фиксируются угли, образовавшиеся в результате древних пожаров; 3) переотложенный песок, присыпка стен и кровли, — светлый песок толщиной до 50 см; 4) светлый мешаный песок достигает в присыпке стен и кровли мощности 50 см, это выброс, возникший при рытье ям для обновления подсыпки; 5) иллювиально-железистый горизонт — оранжевый песок толщиной 10-15 см, горизонт вмывания химических

¹ Благодарю А. С. Долгих за помощь при проведении экспедиции, д. и. н. В. Н. Логвина за участие с практикантами Сургутского университета в земляных работах.

² На самой просеке раскоп располагать было нецелесообразно из-за антропогенных разрушений, заметных невооруженным глазом. На них указывают ландшафт, который отличается более редкой растительностью, чем в лесу, а также то, что старых деревьев и пней нет, а 5-6-летние деревья выросли на уже перекопанной поверхности, кроме того, рекогносцировочная траншея показала перемещения почвы на глубину 0,5-0,7 м. Поэтому автор отказалась от рекомендованного предшествующей экспертизой А. А. Рудя от ООО «Гиперборея» проекта раскопок траншеей шириной 3,9 м и длиной 400 м.

Рис. 1. 1 — схема окрестностей г. Сургута; 2 — вид на раскоп 3 Остяцкого Живца-II; 3 — реставрированный сосуд из раскопа 3

элементов при оподзоливании, не содержит культурных остатков, кроме тех случаев, когда в него врезаны ямы; 6) коричневый железистый песок — более плотный по структуре, чем окружающий грунт, более яркий по цвету, чем коричневый, является заполнением ряда ям; 7) коричневый слой песка залегает отдельными линзами, имеет толщину от 12 до 25 см; образован в результате перегнивания деревянных конструкций, а также корней деревьев; 8) серо-коричневый песок — культурный слой с находками, в основном фиксируется в заполнении ям, толщиной 0,1-0,8 м; 9) прокалы — линзы ярко-красного песка толщиной 6-8 см, причем древние — более однородные, современные имеют окаймление из подзола, так как образовались в понижениях и на месте горения пней; 10) светло-коричневый мешаный песок — участки котлованов строительных работ со стороны просеки и автодороги; 11) почвообразующий слой — рыхлый светло-желтый песок флювиогляциального происхождения, с волнистой, затечной верхней границей. Он несет в себе следы вмывания соединений железа, марганца и других химических элементов, а также оглеения¹.

¹ В основу описания напластований положена классификация почв, составленная В. Я. Хреновым [2002, с. 20].

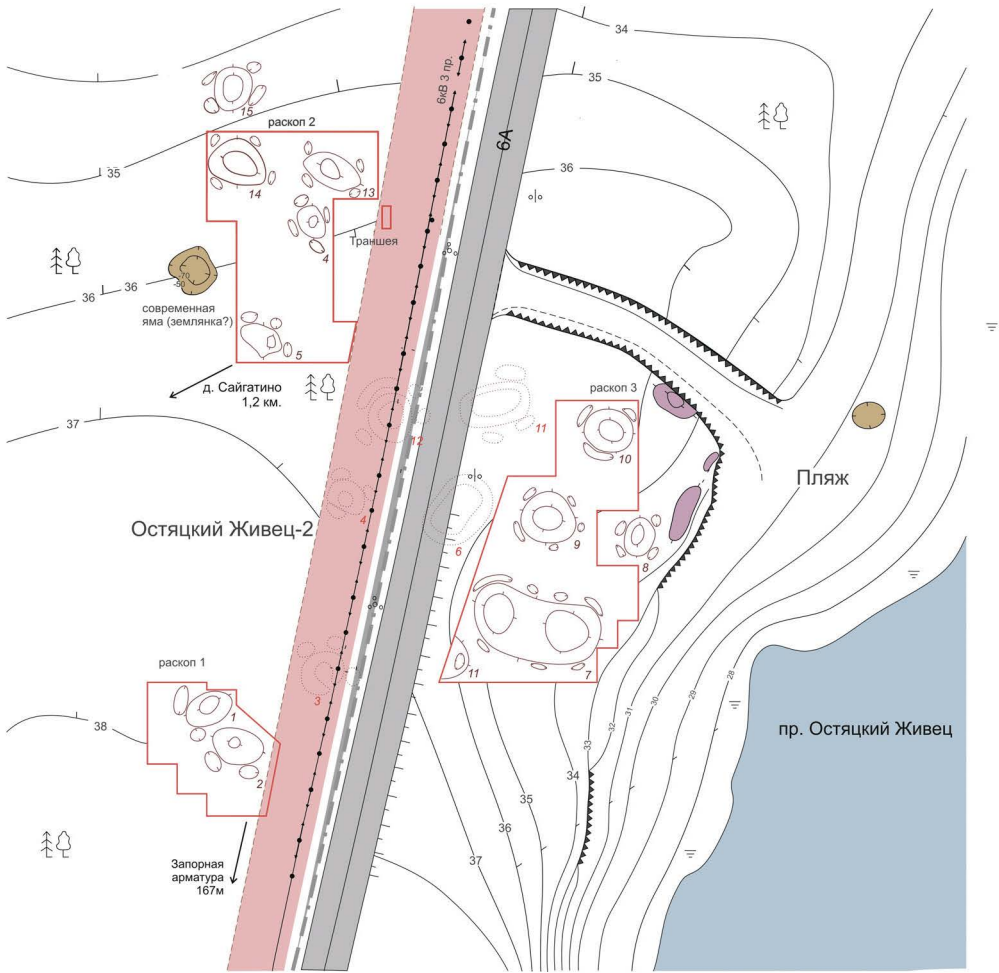

Рис. 2. План памятника Остяцкий Живец-II

Подобные ожелезненные песочные слои характерны для памятников Сургутского Приобья. Особенно близкими по светлomu цвету, тону окраски и слабой мощности слоев являются отложения на селище Остяцкий Живец-VII, располагавшемся в исследуемом нами микрорайоне, но значительно ближе к берегу Оби, изученном раскопками ранее [Шатунов, Гусев, 2004, с. 374].

Археологическим материком может являться как иллювий, так и почвообразующая порода, если в нее вкопаны сооружения и ямы. Слой, сохранивший следы жизнедеятельности людей, имеет серо-коричневый и коричневый цвета в свежем разрезе. Культурный слой фиксируется в ямах и почвенных напластованиях в границах жилищ и отсутствует на межжилищном пространстве, которое заполнено иллювием.

Постройка 1 сначала при раскопках была перекрыта пятнами серого подзола и редкими прокалами от лесных пожаров. Далее располагался слой

коричневого песка, ниже опустившийся в ямы № 0058, 0059, 0060, 0093 и 0057. Вышеописанные ямы оказались довольно глубокими, образовывали четырехугольный контур размерами 2,7×2,8 м (рис. 3). По разрезу ямы № 0057 заметно, как коричневый слой в ней перекрывает серо-коричневый, из чего можно сделать вывод о более позднем возникновении рассматриваемого сооружения, к обваловке которого она относится, сравнительно с другими остатками строений. Постройка 1 — подквадратная, примыкала к северо-западному углу жилища 2, но развернута к нему под 45° (рис. 3). Поэтому считаем их разновременными. Судя по отсутствию находок, очага и следов подновления, постройка 1 использовалась непродолжительное время, возможно, что в течение нескольких недель или месяцев. В таких сооружениях не обязательно должен был присутствовать очаг. Например, на Кучиминском-IX селище, которое находится неподалеку от Остяцкого Живца-II, в таких же природных условиях были раскопаны два наземных жилища, в центре одного из них был очаг, в центре другого — отсутствовал [Чемякин, 2008, с. 81].

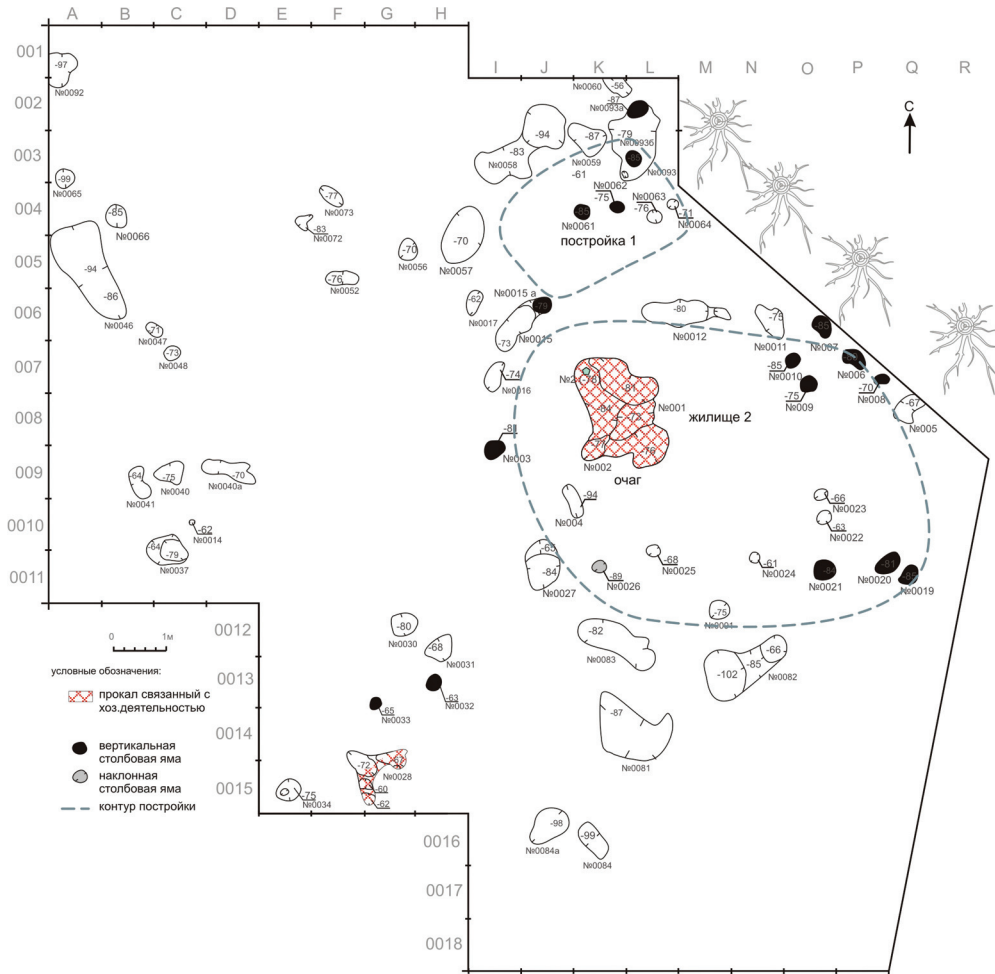

Рис. 3. Остяцкий Живец-II. План сооружений раскопа 1 по матеруку

Жилище 2 определилось по ямам с серо-коричневым заполнением округлой и овальной форм по периметру. Вдоль всех границ снаружи прослежены ямы, из которых брали песок для присыпки стен: № 005, 0015, 0012, 0011, 0027, 0082, 0083. Яму № 001 размерами 1,3×0,95 м подпрямоугольных очертаний с угольками мы сочли очагом из-за следов горения на дне. Она состояла из нескольких слившихся углублений, что может свидетельствовать в пользу неоднократного обитания в жилище. На уровне почвообразующей породы жилище 2 выглядело как совокупность округлых и продолговатых ям от вертикальных столбов, образующих округлую площадку (рис. 3). Углубления неправильной вытянутой формы размерами 1,69×0,75 м, 1,75×0,7 м, 1,5×0,65 м, возможно, имели хозяйственное назначение.

Ямки с серо-коричневым заполнением, иногда смешанным с углем, составляли бревенчатую основу жилища. Причем ямы от столбов под № 0026 и 009 оказались наклонными к центру. Правильной геометрической фигуры их следы не образуют, что наводит на мысль об использовании живых деревьев как элементов каркаса. Примерная длина жилища через его середину с юга на север от ямы № 0082 до ямы № 0012 составляет 7 м, с востока на запад от ямы № 005 до ямы № 0003 — 8 м. Дополнительные ямы от столбов в полу жилища на его южной половине могли остаться от каркаса топчанов или перегородок спальных помещений, следы угля и прокаленный песок в них указывают на то, что остатки жилища в свое время подверглись горению.

Снаружи жилища 2, в 4 м от него, выявились треугольной формы контуры остатков костра № 0028, причем по его сторонам были расположены узкие канавки, т. е. очаг был окопан. Периметр его составлял 1,15×1,16×1,1 м. Ямы, расположенные вокруг него, были округлых и сигарообразных форм. Причем ямы № 0030 и 0031 заполнял коричневый железистый песок. Вероятно, это толченая болотная руда для пережигания в краситель. Наружный очаг № 0028, возможно, существовал одновременно с жилищем. Например, из материалов Ю. П. Чемякина видно, что на поселениях Барсовой Горы раннего железного века существовали очаги-кострища под открытым небом, рядом с жилищами [Чемякин, 2008, с. 68].

Постройка была полностью наземной. Бревенчатые стены для тепла могли накрываться берестой и присыпаться песком. Более конкретно о характере деятельности людей, оставивших после себя данное сооружение по выявленным археологическим данным сказать трудно, так как из находок были обнаружены лишь два неорнаментированных черепка раннего железного века. Мы предполагаем, что это жилище 2 могло быть оставлено древними рыболовами, которые, судя по данным этнографии, в мае отправлялись на нерест рыб [Немысева, 2000, с. 193]. Тогда было еще довольно холодно, поэтому очаги могли использовать как внутри, так и снаружи жилища.

Постройка 4а располагалась в глубине террасы. Она очерчена условно по периметру линзы коричневого слоя. Обваловочные ямы № XXX и XXXI подтверждают западную и северную границы этого сооружения (рис. 4). Ямы № XXIII и XXIV располагались под слоем коричневой супеси, в первой были два черепка. В целом малые размеры этого сооружения, составляющие 6,2 м по линии 3–В и 4,5 м по линии С–Ю, и отсутствие очага внутри или вблизи него склоняют

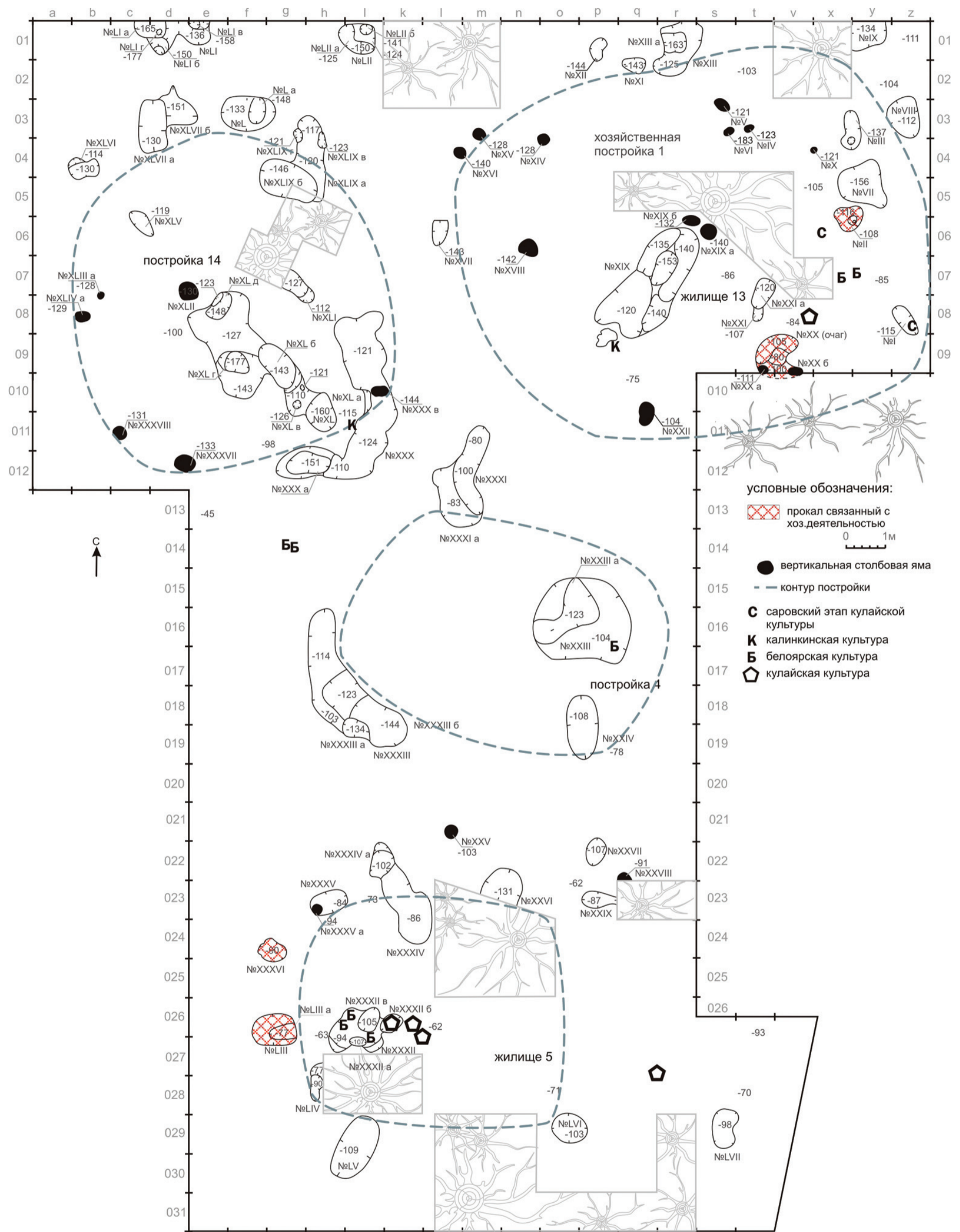

Рис. 4. Остяцкий Живец-II. План сооружений раскопа 2 по материке

Рис. 5. Остатки Живец-II. План сооружений раскопа 3 по материке

к выводу о его хозяйственном назначении. В яме № XXXII было обнаружено скопление черепков от трех сосудов. Все они круглодонные, с узором только по горловине, венчики их прямые с обязательным пояском редко поставленных ямок, чередующихся с наклонными отпечатками короткой гребенки (рис. 6, 8) или штампа «змейка». Их можно отнести к белоярской культуре, поскольку в ее материалах используется тонкая гребенка, чередующаяся с ямками и фигурным штампом в виде «змейки» [Чемякин, 2008, с. 69], узор сосудов составляет чередование волн и горизонтальных линий. Керамические материалы находят аналоги в декоре сосудов Барсовой Горы, например Барсов городок-I/18, Барсова Гора-III [Там же, рис. 56, 14, 16]. Ранее эти материалы относили к васюганскому этапу кулайской культуры [Чиндина, 1984, с. 123]. Датировка этого периода до сих пор мало разработана, предложена на основании типологических соображений по развитию орнаментики как VII-IV вв. до н. э. [Чемякин, 2008, с. 74].

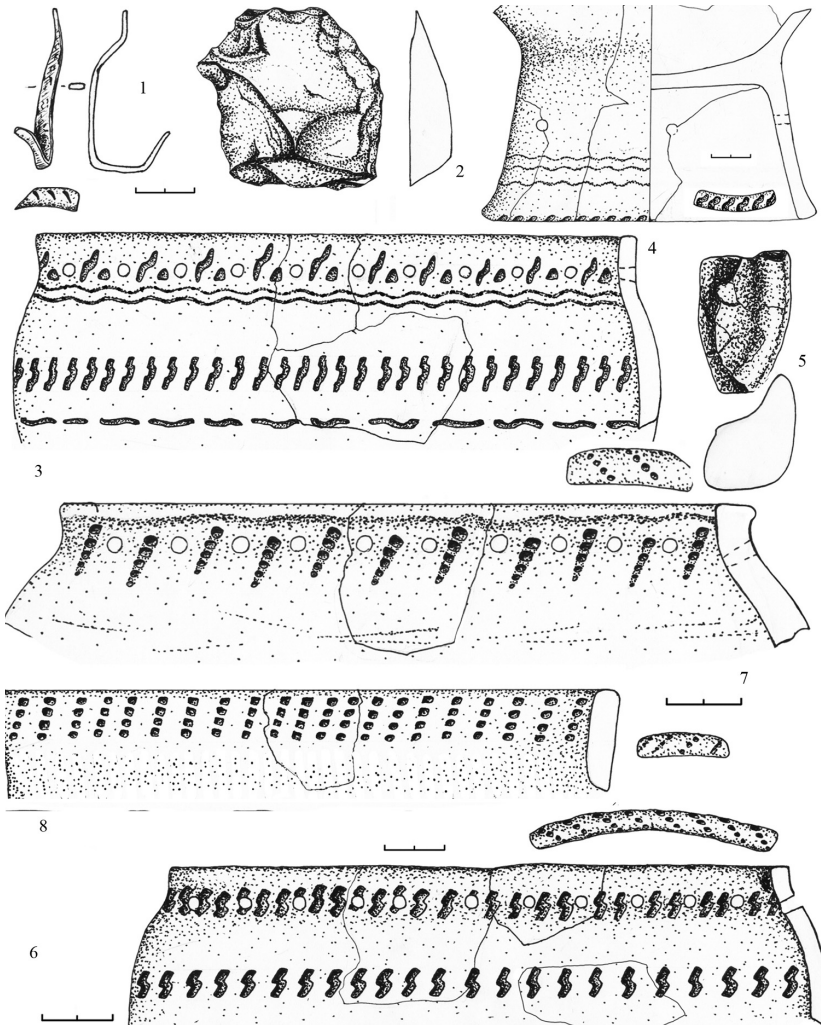

Рис. 6. Остяцкий Живец-II. Находки из раскопа 2

Жилище 5 (рис. 4) в глубине террасы определено на основании площади распространения коричневого слоя внутри контура, сформированного обвалочными ямами, размеры которой около 6×5 м. С западной стороны ям от присыпки стен не зафиксировано, возможно, здесь был выход с дымокуром на месте прокала № XXXVI. Найдены обломки двух тиглей со следами шлака сиреневого цвета внутри чашечки, трубчатая кость животного. В развале подсыпки стен были обнаружены обломок высокого поддона (рис. 6, 4) с волнистым узором и скобчатым штампом на бортике, черепки от сосуда с плоским чуть скошенным вовнутрь венчиком, по верху орнаментированным оттисками гребенчатого штампа, декор — поясok круглых сквозных отверстий, мелкие обломки венчиков со сквозными ямками другого сосуда на поддоне, аналоги которым по форме и узорам находим в белоярских памятниках 3 стадии, по Ю. П. Чемякину [2008, рис. 56, 12], относящиеся к середине 1-го тыс. до н. э.

Постройка 7 (рис. 5), располагавшаяся у края террасы, при раскопках сначала выглядела как обширная область светлого песка от присыпки стен, по центру которой располагалось трапециевидное коричневое пятно размерами 5,5×4,7 м. В последнем обнаружен раздавленный сосуд калинкинско-го типа с гребенкой и ямками по венчику и орнаментом «уточка» по тулову (рис. 7, 3), черепки и обломки глиняного тигля были извлечены и из слоя светлого песка. Песчаная обваловка придавала прямоугольную форму остаткам строения 7, с северо-запада наблюдалась Г-образная канавка для выборки грунта для присыпки хижины, в ней найдена керамика. Ниже остатки постройки 7 вместе с коричневыми пятнами и обваловкой его приобрели размеры 11×7,8 м и близкую к подпрямоугольную форму. Видимо, от столбов остались ямы № 108 и 103.

С юго-западной стороны его площадь прорезала канавка с дерново-гумусным заполнением Г-образной формы. Внутри объекта 7 были следы ямок от столбов небольшой прямоугольной конструкции размерами 2×2,5 м с каркасом из рядов столбовых ям, возможно, от рамы светодымового отверстия на столбах. По периметру от нее фиксировались крупные овальные ямы хозяйственного назначения. Внутри этой постройки не было найдено очага, вероятно, из-за корней дерева, помешавших вскрыть ее середину. Однако и не исключено, что это помещение предназначалось для хранения утвари.

За пределами жилища 7, на межжилищном пространстве, отчетливые следы органики содержали только ямки № 109 и 153, ямы № 102 и 96 (помимо того, яма содержала и прокал).

Описанное сооружение соединялось с жилищем 7а коричневым слоем и развалом светлого песка от обваловки, в котором был обнаружен раздавленный кулайский горшок с приостренным дном, с декором жемчужинами, рядами гребенки в «елочку» (рис. 1, 3). Хотя остатки вышеописанных хижин как бы примыкали друг к другу, это не дает причин считать их одной постройкой. На их одновременность указывает полукруглая канава от выемки песка для обваловки, отсекающая восточную часть площади объекта 7 и прорезающая срединную часть развала подсыпки. По внешнему периметру постройки 7 располагались округлые дерново-гумусные пятна с подзольной обводкой по сторонам.

В первичном заполнении руинированной постройки 7 обнаружены куски только от трех сосудов: черепок от горшка с карнизиком, по бортику украшен наклонными оттисками гребенки, поясом из чередующихся ямок и жемчужин, тремя рядами двойных каплевидных вдавлений; обломки банки с плоским венчиком, в декоре — наклонные оттиски широкого гребенчатого штампа, пояс из ямок (рис. 7, 4); фрагмент закрытой миски с короткой вертикальной шейкой, карнизиком на венчике, украшенный наклонными оттисками короткой широкой гребенки, пояском сквозных отверстий, разреженным орнаментом из строенных оттисков гребенки, «уточек» в гребенчатой технике. Керамика относится к саровскому этапу кулайской культуры.

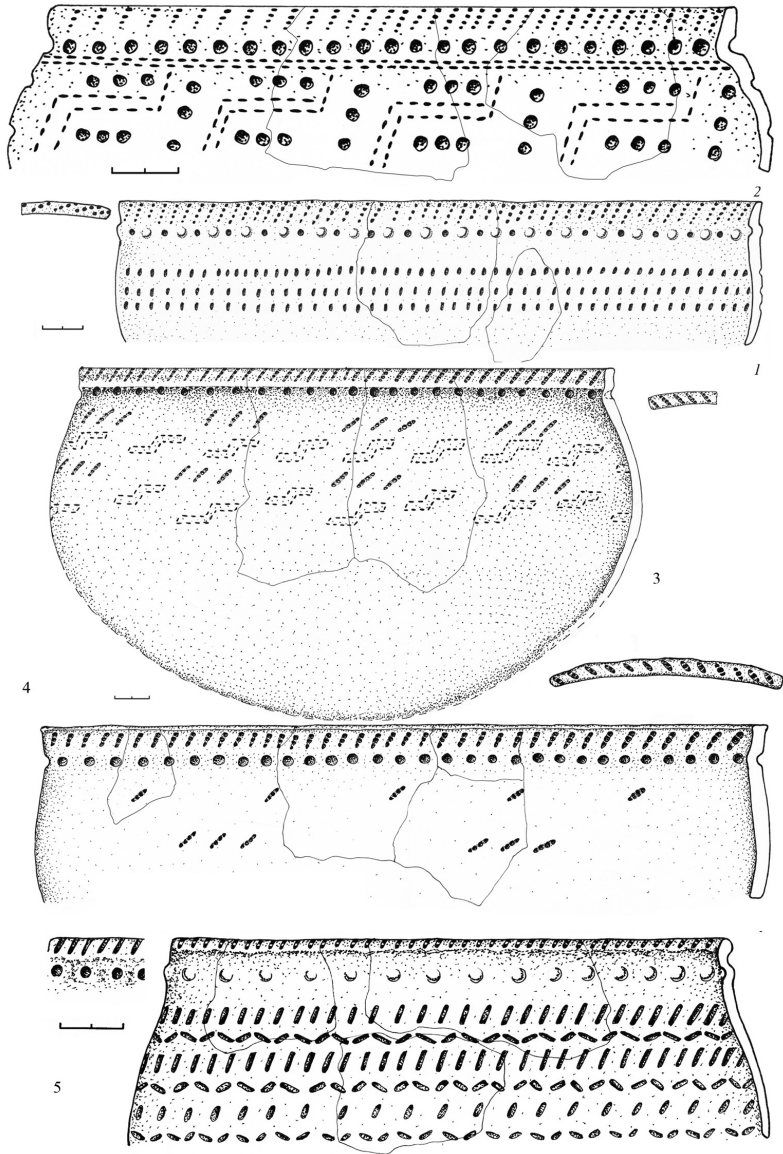

Рис. 7. Остяцкий Живец-II. Находки из раскопа 3

Жилище 7а выделено по очертаниям другого пятна светлого мешаного песка, располагавшегося северо-западнее, — обваловке постройки с примерными размерами 7×6,8 м. На его поверхности был замечен провал. Западнее его фиксировались ямы с подзолистым заполнением: № 94, 93, 92, 95. Яма № 102 содержала коричневый песок с углем. Контуры постройки 7а на материке определяются по серо-коричневым ямам, образующим округлую конфигурацию, внутри которой лежит коричневый песок. Западную и южную стороны этой постройки обрамляют канавка и ямы крупные, вытянутой формы — № 70, 72, 69, 77. К юго-востоку от них видна яма № 68. Восточную сторону постройки 7а образует длинное серо-коричневое пятно размерами 3,3×0,27-0,51 м, которое позже разделилось на несколько ям, в одной из них обнаружен обломок тигля. Северо-восточную сторону обозначили пятна от обваловочных ям № 61 и 62. С наружной стороны от углублений вытянутой формы с серо-коричневым заполнением (№ 83, 74, 75, 78, 77, 73) в юго-восточной части были расположены небольшие округлые пятна одинаковых размеров 0,2×0,19 м. Видимо, они являлись остатками столбовых конструкций, это ямы № 76, 66, 64, 65, 67 (рис. 5). Рассматриваемое сооружение было небольших размеров около 9,8×9 м (рис. 5). В остатках его конструкции имеются следы горения. Оно имело многоугольную форму, причем с северной и южной сторон заметны скопления столбовых ямок, предназначенных для укрепления каркаса данной постройки по ее центру. С северо-восточной, западной и южной сторон этого сооружения располагались, как и обычно, продолговатые ямы, откуда бралась земля для присыпки стен.

Из заполнения жилища 7а происходит почти половина всей керамики с раскопа 3. Обнаружение ее в очаге и в слоях обваловки говорит о самой поздней позиции объекта на памятнике. В пятне прокаленного песка Т-образной формы и рядом найдены 17 черепков от трех сосудов, разбитый глиняный тигель (рис. 5; 8, 7). Керамика принадлежит саровскому этапу кулайской культуры: обломки от остродонной банки с короткой шейкой и раздутым туловом, жемчужинами (рис. 8, 5); круглодонная миска во фрагментах (рис. 8, 1) с округлым отогнутым венчиком с наплывом и наклонными оттисками короткой гребенки, пояском жемчужин, чередующихся наклонных оттисков короткого гребенчатого штампа и зигзага; крупный фрагмент от банки, украшенной точками из гребенчатого штампа и ямками.

Кроме того, из жилища 7а происходят обломки миски с едва намеченным венчиком, по которому нанесены оттиски наклонной короткой гребенки, бортик оформлен в виде карнизика и также украшен гребенкой, ниже проходят пояса из глубоких ямок, разреженного короткого гребенчатого штампа (рис. 10, 6). У другого сосуда плоский венчик с карнизиком и наклонными резными линиями, чуть наклонен вперед, в зоне перехода от шейки к плечу нанесен ряд круглых ямок, на плечиках изображено четыре ряда каплевидных вдавлений (рис. 7, 2). Закрытая банка с острым днищем и заостренным венчиком, по краю с обеих сторон украшенным гребенчатым орнаментом,

вдоль устья располагаются жемчужник и «елочка» из гребенки (рис. 1, 3; 10). Горшок с короткой шейкой и приостренным дном имеет плоский венчик с карнизиком, с наклонными насечками, на шейку нанесен пояс из жемчужин (рис. 10, 8). Банка с плоским венчиком имеет карнизик, скошенный вовнутрь, украшена оттисками короткой гребенки (рис. 7, 5), жемчужинами, зигзагом, выполненным гладким штампом.

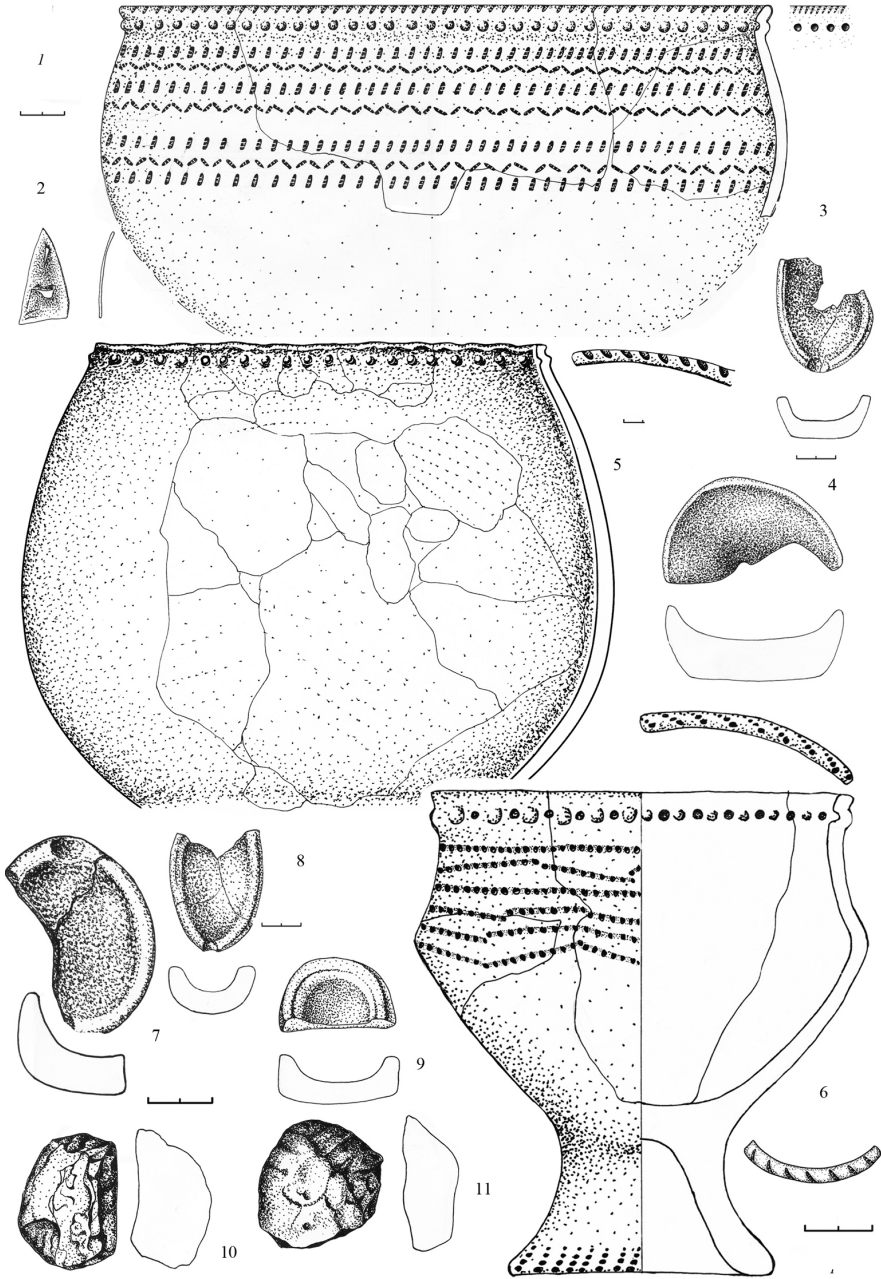

Рис. 8. Остяцкий Живец-II. Находки из раскопа 3

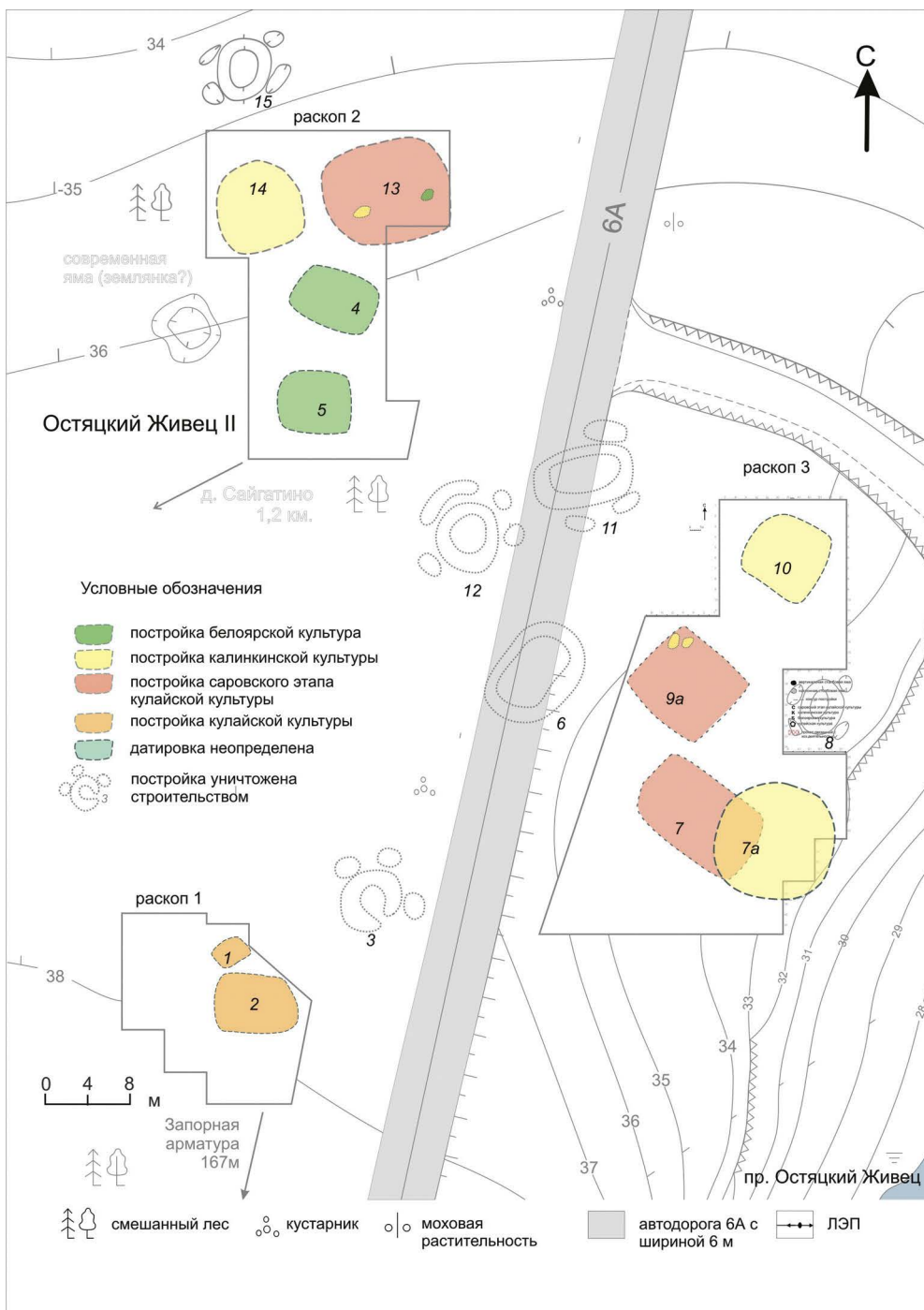

Рис. 9. Сводный план построек памятника Остяцкий Живец-II

В пределах жилища 7а встречены и находки предшествующего этапа обитания на площадке. Так, в яме № 64 найдены обломки двух емкостей: кубок на

воронковидном поддоне с декором из короткой гребенки, жемчужин и ямок, чередования прямых горизонтальных линий и зигзагов из гребенчатого штампа, поддон также украшен гребенкой (рис. 8, б); сосуд с гребенкой по бортику, зигзагом, ямками. По узору и форме они относятся к калинкинской культуре.

Постройка 9. Следы разрушения ее имели коричневый цвет и восьмерковидную форму, оконтурены по периметру линзами переотложенного светлого песка (рис. 5). Точные контуры определить не удалось. Ямы за пределами жилища 9 — с серо-коричневым заполнением неправильных форм, приближенных к овальным, — № 142, 49, 50, 115. С наружной стороны жилища были ямы № 55 размерами 2×1,03 м, содержащая коричневый песок, перемешанный с углем, и № 44 с коричневым заполнением и продолговатым пятном прокала на поверхности с размерами 2×1,03 м, видимо, от каких-то поздних эпизодов обитания. По расположению ям на материке можно предположить прямоугольную форму строения 9 и размеры около 8,5×8 м (рис. 5).

Видимо, остатками столбовых его конструкций являются ямы № 54 размерами 0,26×0,27 м, № 52 размерами 0,35×0,27 м, № 56 размерами 0,23×0,24 м, № 53 размерами 0,27×0,3 м и № 57 размерами 0,21×0,21 м. Их заполнение состоит из коричневого песка. Следы от столбов отмечены только вдоль одной стены и в середине постройки, что не позволяет определить способ строительства. В серо-коричневом заполнении обнаружены обломки двух мисок с тонким гребенчатым штампом и ямками, изображающими геометрические фигуры, а также с насечками и с короткой гребенкой; жемчужинами и восьмеркообразными вдавлениями. Еще одна банка украшена оттисками широкого гребенчатого штампа, рядом ямок, разреженным декором из оттисков короткого широкого гребенчатого штампа (рис. 10, б). Там же оказались сломанное точило (рис. 10, 7), обломок глиняного тигля (рис. 8, 4), гальки. К востоку от строения 9 локализовались ямы № 46, 41-43, образующие линию длиной около 4 м, возможно, оставшиеся от опор для сушки сетей, а возможно, что и следы какой-то разобранный постройки.

Постройка 9 имела, скорее всего, прямоугольную форму (рис. 5). Присутствие очага внутри жилища — под вопросом, поскольку участок, расположенный в центральной части, остался под корнями сосен. Каркас делали из столбов, снаружи по периметру располагались ямы, откуда брался песок для присыпки стен.

Постройка 10 располагалась на краю берега, она видна была в рельефе и проявилась в грунте в виде коричневой линзы с серой подзольной окантовкой и несколькими линзами от обваловки. Сразу под дерном найдены обломки трех ошлакованных глиняных тиглей (рис. 8, 4, 8), бронзовая пластина треугольной формы (рис. 8, 2), 9 черепков без орнамента, один с узором «уточкой», половина кварцевой гальки. Незначительная глубина залегания артефактов свидетельствует о том, что после первого заселения на этом месте в древности имел место и второй эпизод обитания, во время которого были вырыты новые углубления в местах расположения старых ям, вещи из которых оказались

переброшенными наверх вместе с выбросами грунта. В коричневом песке заполнения постройки были найдены обломки тигля, точила (рис. 10, 1), абразив из песчаника (рис. 8, 9), три кусочка шлака, 4 гальки, 9 черепков, в том числе горловина горшка со скошенным венчиком, украшенным наклонной гребенкой, рядом ямок и жемчужин, тройным горизонтальным поясом из штампа «уточка» (рис. 10, 5), каменное точило. Венчики от двух сосудов по верху декорированы гребенкой и пояском круглых ямок чередующихся с жемчужинами, волной (рис. 10, 3, 4). Керамика, вероятно, относится к калинкинской культуре.

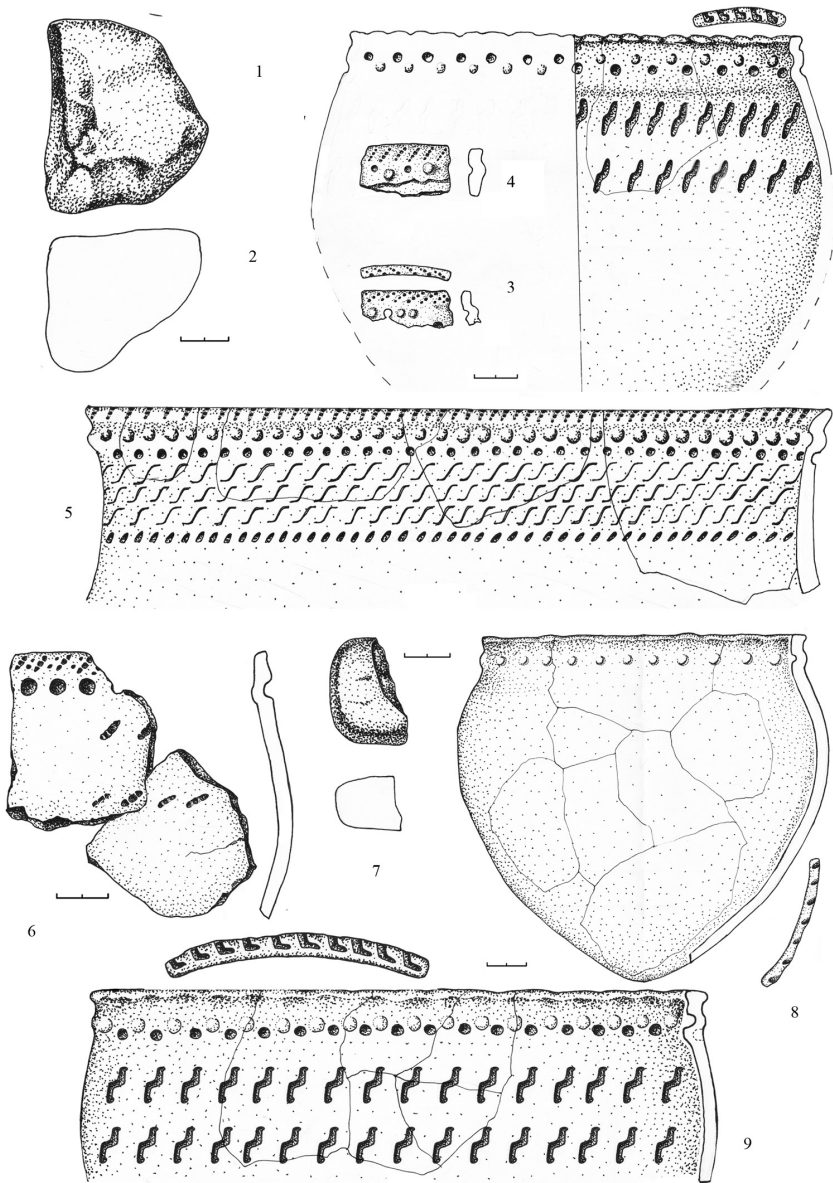

Рис. 10. Остяцкий Живец-II. Керамика раскопа 3

Коричневая линза на фоне иллювия приобрела размеры 10,2×1 м, с выступом шириной около 2 м к северо-востоку, в сторону реки (выход?). На материке очертания строения 10 приняли овальную форму, вытянутую по направлению северо-запад–юго-восток, размерами 12,5×7,5 м. С юго-востока к нему примыкала подквадратная коричневая линза размерами примерно 4×4 м, какая-то хозяйственная площадка с остатками органики.

Вытянутое пятно прокала длиной 2,44×0,25 м, видимо, возникло от пожара после его оставления (рис. 5). Остатками столбов описываемого жилища являются ямы с серо-коричневым заполнением округлой формы: № 5, 22, 23, 19, 27, 28, они совместно с узкими канавками примерно одинаковой длины придают каркасу жилища 10 многоугольную форму, располагаясь по его периметру. Видимая часть ямы № 13 помимо коричневого песка содержала уголь. В северо-западной части площадки располагалась серо-коричневая яма № 4 подтреугольной формы размерами 1,9×1,3 м со слоем прокала в заполнении.

Конструкция наземной постройки 10 — каркасно-столбовая, она была многоугольной формы. С внешней стороны вокруг нее были вырыты канавки. По кругу от них располагались крупные ямы, откуда бралась земля для присыпки стен. Собственно, такая форма характерна для кулайских жилищ. Здесь можно проследить аналогию с планировкой жилищ поселения Малгет-6, на котором жилища были наземными, форма их приближалась к подквадратной, реже прямоугольной, площадью от 9 до 18 кв. м. Котлованы редко врезались в материковые слои. Вдоль их стен и в углах сохранились столбовые ямки, фиксирующие остатки каркасной системы. В ряде случаев прослежены коридорообразные выходы размерами 2-2,5×1,2 м. Очаг в жилище был один и располагался ближе к стене справа или слева от выхода [Чиндина, 1984, с. 45]. Наши ожидания насчет того, что очаг в строении 10 должен был находиться посередине, не оправдались. Только в ямах № 4 и 21 с серо-коричневым заполнением были небольшие прокалы и уголь. Возможно, здесь и располагались разновременные очаги.

В *межжилищном пространстве* прибрежной зоны найдены два куска шлака и черепки от трех сосудов. Банка с карнизиком на венчике, ямками и жемчужинами с внешней и внутренней сторон, рядами фигурного штампа в виде коротких змеек (рис. 10, 9), вероятно, относится к саровскому этапу кулайской культуры. Горшки с похожими зигзаговыми узорами из тонкого гребенчатого штампа и строенных ямок (рис. 7, 2) находят аналоги в калининской культуре.

Жилище 13 располагалось в глубине террасы. По распространению коричневого слоя и ямам от столбов вдоль стен оно определено как прямоугольное размерами 9,75×7,5 м. Данные границы подтверждены обвалочными ямами снаружи от них. Ориентирована постройку по странам света.

Остатки жилища 13 (рис. 4), как оказалось, не были одновременными; можно выделить на месте их расположения два эпизода обитания. К перво-

му следует отнести объекты, представляющие собой довольно правильную конфигурацию из ямок с серо-коричневым заполнением без примеси угля: № XIV, XV, XVI, XVIII, XII, XI, V, IV, XXII. Почти все они имели небольшую ступеньку, причем расположенную стандартно — на глубину 11-15 см от поверхности почвообразующей породы, на изученной площади они образовывали подпрямоугольную фигуру. К жилищу 13 можно отнести очажную яму № II, окопанную узкой канавкой (рис. 4), в восточной его части.

На площадке жилища 13 обнаружены черепки от 5 сосудов и обломки глиняных тиглей. Горшок с хорошо профилированной низкой шейкой украшен чередованием сквозных круглых отверстий и оттисков короткого широкого гребенчатого штампа (рис. 6, 7). Горшок с вертикальной шейкой украшен резными линиями, штампом «уточка» (змейка?), круглыми отверстиями, чередующимися с треугольными вдавлениями (рис. 6, 3). В зоне перехода от шейки к плечу располагаются две горизонтальные волнистые линии, выполненные гребенчатым штампом, ниже — вертикальный ряд фигурных штампов в виде коротких змеек, чуть ниже изображен горизонтальный ряд змеек. Над ямой № II обнаружен черепок с узором из прочерченных волнистых линий и продолговатых вдавлений. Описанные сосуды можно отнести к белоярской культуре [Чемякин, 2008, рис. 57, 14, 20]. Венчик из ямы № I принадлежит банке с рядом сквозных отверстий, чередующихся с наклонными оттисками гребенчатого штампа, саровского этапа кулайской культуры [Там же, рис. 73, 76; 77]. Обломки баночного сосуда кулайской культуры (рис. 6, б) украшены поясами наклонных линий из оттисков короткой гребенки; рядами ямок, по которым нанесены фигурные оттиски вертикальных коротких волнистых линий, далее идет свободная от орнамента зона, а в верхней части тулова повторены вертикальные короткие волнистые линии. Около очажной ямы № XX найден черепок с гребенчатым орнаментом. Крупная яма № XIX с серо-коричневым заполнением возникла позднее жилища 13, так как прорезает слой коричневой супеси и появляется раньше, чем ямы от него. Неподалеку от нее был черепок с рядом неглубоких продолговатых вдавлений.

Болотную руду могли заготавливать в яме № III, снаружи от жилища 13, где был обнаружен железистый коричневый песок. Отходы выбрасывали в яму № I, они относятся и к бытовой сфере деятельности (черепки), и к металлургической, поскольку там найдены фрагменты разбитых тиглей со следами шлака на поверхности, а также куски глиняной обмазки. Предположительно выход жилища 13 (ямка под № XXII) был ориентирован на ЮЮЗ и имел вытянутую форму, по длине был 2,5 м. Аналог находим на поселении Степановское-I, расположенном на правом берегу р. Лемпы, в Каргасокском районе Томской области, принадлежащем кулайской культуре [Чиндина, 1984, с. 181, 184], где было обнаружено жилище, имевшее два четко прослеженных выхода в юго-западной и северо-восточной стенке [Там же, с. 186, 211].

Постройка 14 зафиксирована по развалу подсыпки овальной формы на фоне иллювия, окружена крупными ямами с коричневым заполнением. На южной границе развала обваловки найден обломок сработанного точила в виде параллелепипеда. Размеры площадки между ямами составляли около 7×6,5 м. По расположению округлых глубоких ямок от столбов вокруг больших ям и внутри них можно сделать вывод, что жилище № 14 имело округлую конфигурацию. Вероятно, некоторые столбы стояли в канавке (№ XXX), а также в ямах под номерами L, XL (рис. 4), что нелогично с точки зрения последовательности строительных работ и, вероятно, говорит об имевшей место перестройке на данной площадке. Прокол внутри жилища в верхней части заполнения не был углублен в материк, возможно, он остался от пожара на месте руинированной постройки. Полагаем, что сооружение было хозяйственным. По центру его фиксировалась округлая яма № XLII размерами 0,39×0,40 и глубиной 30 см от материка. Видимо, в нее устанавливался опорный столб, поддерживающий крышу. Отсутствие ям от столбов по северной границе постройки может указывать на то, что в качестве опоры с этой стороны использовалось живое дерево. Данный прием известен в этнографии ханты. Весьма условно по одной керамической находке относим постройку к калинкинской культуре.

В целом между объектами из раскопов прослеживается сходство в характере следов обитания в постройках, несмотря на их значительную разновременность. Сохранились тонкие линзы окрашенного органикой песка, не углубляющиеся в материк. Они являются следствием существовавших ограждений по периметру строений. Как уже установлено многолетним опытом изучения сезонных построек, на рыхлых почвах на открытых местах, в ходе археологизации объектов, дожди и талые воды могут сформировать стерильные слои литологической породы, однако в период оставления и разрушения жилища обрушившиеся стены и кровля создают преграду для размывания органики и, наоборот, способствуют намыванию туда различных отложений [Леонова, 2006, с. 21]. Общая насыщенность находками культурного слоя незначительна, на суммарной площади трех раскопов она составляет примерно 1 находку на 3 кв. м.

В отдалении от края береговой террасы на периферии памятника в остатках шести построек насыщенность культурного слоя незначительная, в среднем приходится 0,09 находок на 1 кв. м площади. По горловинам удалось реконструировать 8 сосудов (рис. 6). Кроме того, найдены глиняные тигли ладьевидные из сильно запесоченного теста размерами 10×7-8 см (рис. 6, 5). На белоярских памятниках Барсовой Горы встречаются подобные маленькие ладьевидные тигли [Чемякин, 2008, рис. 58, 30]. Скребоквидный камень, вероятно, кресальный Нового времени, как и железный рыболовный крючок, найден под лесной подстилкой (рис. 6, 1, 2), находят аналоги в материалах избушки Силин Пас-2 [Яковлев, 2002, ил. 5, 3, 16].

Вдоль береговой линии Остяцкого Живца (раскоп 3) исследовано 4 сооружения. Постройки 7, 7а и 9 имеют характер кратковременных балаганов. Насыщенность слоя находками в раскопе 3 невелика, всего на 647 кв. м приходится 488 фрагментов разных предметов, что составляет суммарно примерно по 1 ед. на 1,3 кв. м. Кость совершенно не сохранилась. Орудия труда представлены тиглями, абразивами и гальками. Тигли глиняные ладьевидной формы или широко овальные (8 экз.), с утолщенной придонной частью из запесоченного теста. Днища их толщиной до 2,3 см, стенки имеют толщину 0,7-1 см, высотой не более 1,1-1,4 см. Размеры тиглей невелики — 8-9 см в длину, 5-7 см в ширину (рис. 6, 5; 8, 3, 4, 7-9). Большинство из них имеют следы шлаков на внутренней поверхности в виде цветных пятен и прилипшей массы. Несомненно, использовались для цветной металлообработки. Гальки без следов обработки (11 ед.), большинство из них в обломках, вероятно, использовались как грузила для рыболовных снастей.

В керамической коллекции береговой части памятника по горловинам и скоплениям удалось выделить 24 сосуда. Большинство обнаруженных здесь сосудов представлены развалами; преобладает сочетание ямочно-жемчужных узоров с гребенчатым орнаментом и «уточкой». Все сосуды баночного типа или митровидные чаши с короткой шейкой и раздутым туловом. В юго-восточном углу жилища 7 стояли три сосуда, орнаментированные гребенкой, ямками и жемчужинами. Причем они были оставлены целыми, в перевернутом виде. Эти сосуды имеют баночную форму, предполагается также круглое дно. Поскольку посуду не забрали при оставлении жилища, вероятно, это произошло при каких-то драматических обстоятельствах или ритуале. По таким характерным признакам, как наличие карнизика на внешней стороне венчика, резкий четкий орнамент их можно определить саровским этапом развития культурной общности [Чемякин, 2008, с. 85-86; Чиндина, 1984, с. 123], что относится и к сосуду на поддоне, украшенному накольчатými вдавлениями, а также ямками и длинными полосками мелкой гребенки [Чиндина, 1984, рис. 42, 5]. Типологически керамика близка обнаруженным фрагментам эпохи раннего железного века на городище Нёухьяун [Карачаров, Морозов, Шатунов, 2004, с. 430-435]. Сосуды на поддоне (2 ед.) находят аналоги с сосудами, обнаруженными при раскопках памятника Барсов городок-III/6, поселения Остяцкий Живец-IV [Чемякин, 2008, с. 180], Степановского-IV поселения [Чиндина, 1984, с. 248] и т. д. По всем признакам исследуемый комплекс относится к середине и концу 1-го тыс. до н. э.

В жилище 10 нет ни одного развала сосуда, только обломки, это уже указывает на относительно ранний его возраст сравнительно с другими, где остались раздавленные горшки. Орнаментация керамики разнообразна, но в основном преобладают ямочно-гребенчатые элементы, причем гребенка преимущественно короткая наклонная, что позволяет отнести комплекс к калининской культуре, как и керамику из ямы № 64.

На месте постройки 10 можно с уверенностью выделить два периода заселения, что неудивительно: это самый возвышенный участок берега на

краю террасы. Большая яма № 8 использовалась в разное время под различные нужды: в ее углублениях обнаружен как железистый, серо-коричневый, так и коричневый песок, причем внутренняя яма № 8а с серо-коричневым заполнением была сделана позже остальных ям. По стратиграфии заметно, что между первым и вторым этапами заселения дерново-гумусная прослойка практически не сформировалась, не было значительного почвенного наноса, значит интервалы запустения жилища были короткими. Сооружение использовалось то же, что и было построено ранее, но с ремонтом — были вырыты некоторые новые ямы, поскольку старые были уже засыпаны (рис. 5). На этом месте обнаружено самое большое количество необработанной гальки. Естественные неровности поверхности галек позволяли без применения ручной обработки использовать камни в качестве грузил на сетях или мордах при ловле рыбы [Чиндина, 1984, с. 127]. Исходя из этого, мы считаем, что жилище 10 использовалось рыбаками. Присутствие железистого песка за стенами сооружения свидетельствует о возможном использовании болотных руд для выплавки металла. В подтверждение к этому были обнаружены многочисленные обломки использованных тиглей внутри самого жилища.

Керамический комплекс жилища 9 в основном представлен сосудами с ямочно-гребенчатой орнаментацией, который можно отнести к калинкинской культуре. Датируются ранние памятники примерно VI-IV вв. до н. э. [Чемякин, 2008, с. 78].

Примечательно, что на селище Остяцкий Живец-II были выявлены рамки из обгоревшей истлевшей древесины треугольной и прямоугольной форм на фоне обваловки (рис. 5). Вероятно, что это следы древних ловушек, которые на археологических памятниках Сургутского Приобья очень распространены. В частности, на южном берегу Самсоновского сора были обнаружены прямоугольные ловушки; при шурфовке одной из них зафиксированы обгоревшие обрешетки из жердей, которыми были укреплены стены ямы. Подобные типы ловушек известны с неолита до Нового времени [Кардаш, 2004, с. 398-400].

Материалы, обнаруженные на памятнике, относятся к разным периодам раннего железного века: белоярской, калинкинской культурам и к саровскому этапу кулайской культуры, а также Новому времени. Практически все изделия связаны с заполнением построек, лишь единицы зафиксированы на межжилищном пространстве. Асинхронность отложившихся находок демонстрируют данные стратиграфии и планиграфических наблюдений. Таким образом, исследуемый памятник не является остатками единого поселения, это совокупность асинхронных остатков на рыболовных тонях.

Белоярская керамика относится к началу раннего железного века, характеризуется наличием узора из вертикальной «змейки», тонким длинным гребенчатым штампом [Чемякин, 2008, с. 69]. К ней можно отнести также обломки сосуда на поддоне.

Калинкинскую и кулайскую керамику различают по особенностям декора. К первой типологической группе относим круглодонную посуду с геометрическими узорами из группированных ямок и зигзагов, выполненных тонкой гребенкой. Она украшена только в верхней трети, снабжена обязательным пояском ямок под венчиком. Аналоги находят в памятниках Барсовой Горы, относящихся к калинкинской культуре 2 стадии, а также в позднеvasюганских памятниках раннего этапа кулайской культуры [Чемякин, 2008, рис. 65, 2; Чиндина, 1984, рис. 40, 6; 41, 10, 11; 42, 5].

К саровскому этапу относим митровидную по форме, мисковидную посуду, с карнизиками на венчиках, четкими отпечатками фигурных штампов, в том числе «уточка». Для нее характерно декорирование крупными сплюснутыми жемчужинами, стандартизованные композиции узоров из плотных рядов фигурных штампов, «паркетных» мотивов в орнаментации, что видим в позднекулайских памятниках Сургутского Приобья. Датируются такие памятники примерно VI-IV вв. до н. э. [Чемякин, 2008, рис. 76-77]. Впрочем, различие и географические границы этих культурных образований дискуссионны. К обитанию в саровский период кулайской культуры, возможно, к первым векам н. э. [Там же, с. 92] относим жилище 13 (рис. 9). В целом обитание людей в глубине террасы было эпизодическим и весьма кратковременным, кресальный камень и железный крючок свидетельствуют о посещении места и в Новое время, с чем связан и ряд поздних ям (например, № XXXIII).

Таким образом, памятник представляет собой совокупность отдельных жилищ, не имеет протяженного культурного слоя. Все постройки разновременны, не составляют единого поселения. Это говорит о том, что люди, оставившие после себя исследованные нами остатки построек, использовали территорию с ее природными ресурсами не для постоянного проживания, а для временного, с целью извлечения их для своих нужд. Как считает П. А. Косинцев, обсуждая палеоэкологические аспекты проживания в таежной зоне древнего населения, которое оставило крупные микрорайоны памятников разного характера, в зоне микрорайона типа Барсова Гора, Сайгатино мог хозяйствовать только один коллектив при ведении им присваивающего хозяйства [Косинцев, 2004, с. 51-54]. Наш памятник является периферией Сайгатинского микрорайона, и полученные с него материалы позволяют согласиться в этом с ним. Полагаем, что в конкретный временной промежуток эксплуатации легкой наземной постройки, на берегу протоки в данной местности существовало только одно жилище с относящейся к нему бытовой пристройкой и хозяйственными зонами за пределами жилища. И такая постройка по мере разрушения разбиралась, а новую возводили по соседству с заброшенным участком. Скорее всего, памятник Остяцкий Живец-II образовался из остатков деятельности одного домохозяйства, использовавшего берег протоки Остяцкий Живец для сезонного рыболовства и добычи болотной руды в течение нескольких веков во второй половине — конце 1-го тыс. до н. э.

В заключение отметим, что неправомерно остатки подобных построек рассматривать как селища, а материалы из них считать отражением деятельности населения одной археологической культуры и суммировать их в ходе сопоставления с другими археологическими коллекциями. Полагаем, что таких памятников, где все объекты являются одновременными, в таежной зоне большинство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зыков А. П. Отчет об археологической разведке в районе деревни Сайгатино Сургутского района Тюменской области летом 1982 г. // Архив ПНИАЛ УрГУ. Ф. П. Д. 384. Свердловск, 1983. 46 с.
2. Карачаров К. Г., Морозов В. М., Шатунов Н. В. О натуральных экспертных работах 2003 г. в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 430-435.
3. Кардаш О. В. Экспертные работы в Нефтеюганском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 398-400.
4. Косинцев П. А. Формирование АМР: процессы и модели // Археологические микрорайоны Северной Евразии: материалы науч. конф. Омск, 2004. С. 51-54.
5. Леонова Н. Б. Особенности формирования культурного слоя в жилищах и на жилых площадках // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика: материалы науч. конф. М.: НИИ-Природа, 2006. С. 14-28.
6. Немысева Е. А. Месяцы хантыйские // Югория: энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2000. Т. 2. С. 193-194.
7. Сорокин А. Н. Смещение традиций или традиции смещения // Российская археология. 2004а. № 1. С. 71-78.
8. Сорокин А. Н. Смещение традиций или традиции смещения // Российская археология. 2004б. № 2. С. 111-119.
9. Хренов В. Я. Почвы Тюменской области: словарь-справочник. Екатеринбург: УрОРАН, 2002. 156 с.
10. Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.
11. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
12. Шатунов Н. В., Гусев С. А. Селище Остяцкий Живец VII — одиночное жилище Нового времени в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 364-374.
13. Яковлев Я. А. Аварийно-спасательные раскопки селища Силян Пас II в Сургутском районе в 2002 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2002. Вып. 1. С. 272-283.